

ОБ УЧИТЕЛЕ И ЗАМЕЧАТЕЛЬНОЙ ЖЕНЩИНЕ – О НАДЕЖДЕ ГЕОРГИЕВНЕ ТОЛСТОВОЙ-ПАРИЙСКОЙ

И.М. Щетинский, канд. вет. наук, доцент
Харьковская государственная зооветеринарная академия, г. Харьков

Резюме: Охарактеризован жизненный путь Надежды Георгиевны Толстовой-Парийской, заведующей кафедрой патологической анатомии ХВИ-ХЗВИ в 1949-1975 годах.

Резюме: Охарактеризовано життєвий шлях Надії Георгіївни Толстової-Парійської, завідуючої кафедрою патологічної анатомії ХВІ-ХЗВІ в 1949-1975 роках.

Summary: The living way of N.G. Tolstova-Pareyskaya which was the leader of pathological anatomy department of KhVI-KhZVI in 1949-1975 years.

Самые лучшие из когда-либо писавшихся жизнеописаний – это, вне всякого сомнения, жизнеописания самих авторов о себе.

Если автору таких жизнеописаний присуща скромность, правдивость, чистосердечие, то его рассказ о себе всегда интересен, он, как правило, верен по хронологии, строго детализирован, многогранен и содержателен.

Он рисует образ, становление личности, её отношение к людям, коллегам, к самому себе, к тем событиям, которые в ушедшие и часто в далекие от нас времена волновали общество и определяли его судьбу.

Он, такой рассказ, действительно повествует о жизни автора, а не о её хронологии. Часто это исповедь взявшего за перо, иногда даже и его покаяние.

Бывают вполне удачными и очень содержательными и те жизнеописания, которые написаны авторами, лично знавшими того, о жизни которого они повествуют.

Особенно хороши они, если отношения между пишущим и воспоминаемым носили доверительный характер, были не только доверительными, но и дружественными и теплыми, если воспоминаемому хотелось самому рассказать о себе и он это сделал.

Я был одним из последних учеников Надежды Георгиевны Толстовой-Парийской, профессора, доктора ветеринарных наук, заслуженного деятеля науки и техники Украины, заведующего кафедрой патологической анатомии и патологической физиологии Харьковского ветеринарного и Харьковского зооветеринарного институтов, удивительной русской женщины, обаятельной и красивой.

Я был тем не родственником Надежды Георгиевны, который последним беседовал с ней в её земной жизни, на следующий день после нашей беседы Господь позвал её к Себе.

Эта беседа проходила в присутствии её горячо любимого и единственного внука, Саши Парийского, я убеждал её в необходимости принятия ею Христовых Тайн – исповеди и причастия, я советовал сделать это по православной традиции и нашей вере.

Саша страстно поддерживал меня, но несмотря на это мы получили решительный отказ осуществить предлагаемое. Мотивировка отказа – неверие, непонимание силы исповеди и причастия, вера в ленинизм.

Признаюсь, этот отказ меня и Сашу сильно расстроил и обескуражил, я и сейчас его осуждаю, но если тогда я не понимал его причину, то сейчас понимаю, но, как и тогда, не принимаю.

Надежда Георгиевна тогда сказала, что все, что дала ей жизнь, это по ленинским идеалам, это практическое воплощение идей ленинизма.

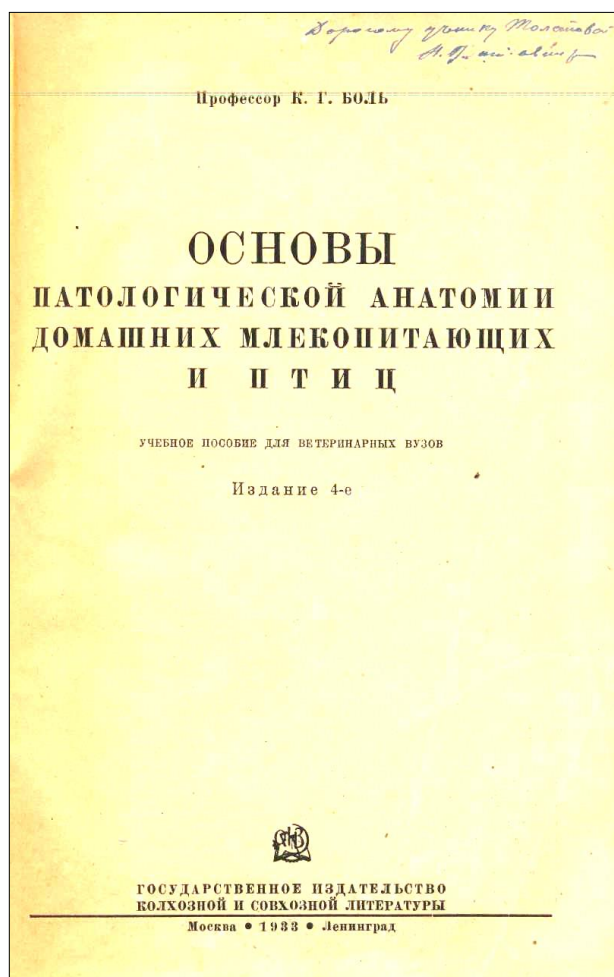
Надежда Георгиевна осталась верна своим идеалам, предать или отступить от них она не смогла. Она всегда так поступала. То, во что она верила, даже если оно было и неправильным, для неё было святым.

Я был тем, кто уже после её кончины снял с себя свой нательный крест и надел его на неё, не носившую крест долгие годы.

Сделал это с единственной целью – для того, чтобы она с *нательным крестом*, крещенная в младенчестве, предстала пред Господом.

Мне кажется, что я был одним из близких к ней учеником, я был, так я думаю, среди тех трех, к которым она особо благоволила – к Геннадию Андреевичу Красникову и к Нине Андреевне Наумовой.

Геннадий Андреевич и Нина Андреевна были не только её любимыми учениками, но и соразработниками на научном поле, они, как и Надежда Георгиевна, были нейропатоморфологами. Общность научных идей рождала общность интересов и в других сферах их деятельности.

Что касается меня, то я избрал другой для себя путь в науке. Этот путь сложился под влиянием тех научных идей, к которым я прикоснулся, когда был студентом Харьковского медицинского института. Эти идеи – это слизистые барьеры и лимфоидные образования, функционирующие вместе с ними.

Надежда Георгиевна после непродолжительных раздумий позволила мне идти в науке самостоятельным путём, я получил из её рук свободу и делал все, что мне хотелось.

Я ей за это очень благодарен, я этого не забыл и никогда не забуду.

На кафедре, возглавляемой Надеждой Георгиевной, появилась гистохимическая лаборатория, в ней изучались гликопротеины секреторных элементов слизистых оболочек трубчатых и полостных органов в норме и при разных патологиях.

Я часто бывал в гостях у Надежды Георгиевны, был в очень хороших отношениях со всеми постоянными и непостоянными членами её большой семьи.

Я не забывал, что 16 июля её день рождения, а 30 сентября – день её тезоименин.

Очень теплые отношения сложились у меня с её мужем, добрым и обаятельным Борисом Николаевичем Парийским. Он был большим, массивным, высоким,

внушительным, открытым, хлебосольным и удивительно правильно понимающим сущность самых разнообразных людей.

Незная близко людей, он по отдельным их поступкам, высказываниям, замечаниям давал им точные и правильные характеристики, в том числе, и характеристики сослуживцев Надежды Георгиевны.

Когда эти характеристики касались кафедралов, то Надежда Георгиевна просила Бориса Николаевича их не высказывать вслух при всех.

Не менее прекрасными были и продолжают оставаться такими мои отношения и с внуком Надежды Георгиевны – с Сашей, Александром Валериевичем Парийским.

Я часто в радостях и горестях помогал Надежде Георгиевне и членам ее семьи, с ней и с ними мы обсуждали самые разнообразные темы, чаще всего за чаем, иногда за праздничным столом.

С петербуржцем Борисом Николаевичем обсуждалось его генеалогическое древо, родословная, говорили о Петербурге, о его учебе, о его знакомстве с Надеждой Георгиевной, о его работе за границей, в Казани, в Белой Церкви, в НИИ химического машиностроения в Харькове.

Нередко эти беседы, если отсутствовала Надежда Георгиевна, переходили в приятное, правда, оставляющее достаточно сильный след, мужское застолье.

Однажды я набрался смелости и сказал ему, что он очень похож на русского, белогвардейского генерала своей доверчивостью, чистотой и простотой.

Он рассмеялся и сказал, что в этом я неоригинален, это он слышал раньше и от других.

Он очень любил Надежду Георгиевну и часто снисходительно, шутя, разрешал ей верховодить в семье.

Был русским патриотом и часто об этом говорил. Как-то он рассказал мне, что после завершения своей работы в Америке по пути на Родину он задержался на несколько дней в Париже и решил купить духи в подарок Надежде Георгиевне.

Ему предлагали разные, но он просил все лучшие и лучшие. В качестве самых лучших и, естественно, самых дорогих, ему, в конце концов, предложили «Серебристый ландыш», духи советского производства. В ответ – веселый смех: предлагавший не признал в нем советского инженера.

С внуком Сашей мы беседовали о церковной архитектуре, о монастырях и храмах России и Украины, о старине, о непочитании архитектурного наследия, о проблемах реставрации.

Все увлечения внука, видя в них серьезность и основательность, Надежда Георгиевна живо и энергично поддерживала, он учился в Харьковском инженерно-строительном институте и закончил его, принимал участие в реставрации некоторых храмов в Харькове, лепнина портала Харьковского Свято-Покровского монастыря – одна из его работ.

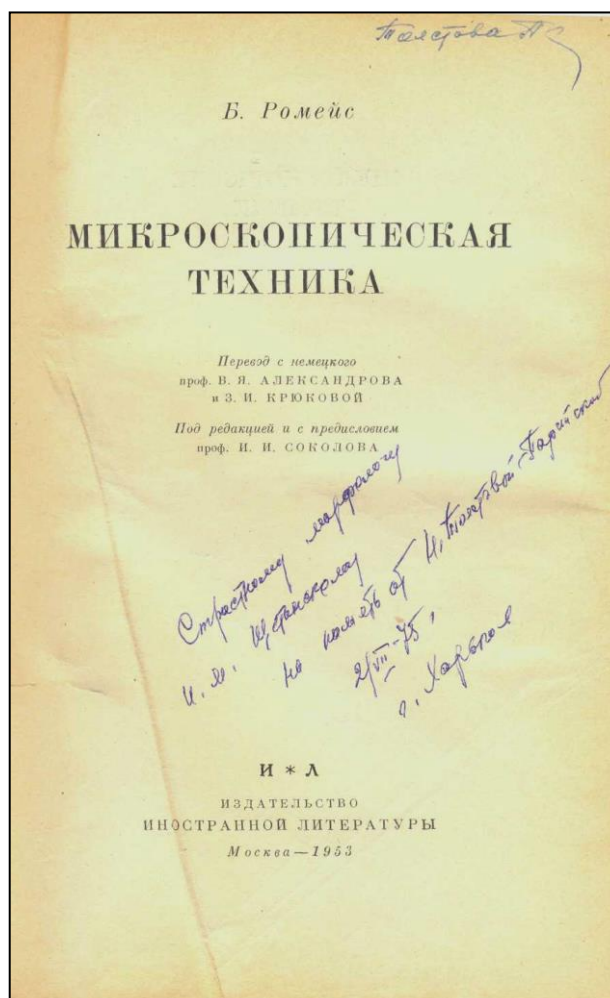
Наконец, перед инициированным администрацией института уходом на пенсию, на вопрос ректора о том, кого Надежда Георгиевна рекомендует оставить после себя на посту заведующего кафедрой, она, не колеблясь, ответила – доцента И.М. Щетинского и отвергла решительно предлагаемую администрацией кандидатуру другого своего ученика, доктора наук.

Ее слова: «У секционного стола увереннее стоял и будет стоять Игорь Михайлович, он лучше, чем ...».

Эти слова оказались пророческими, рекомендация Надежды Георгиевны, к сожалению, была отвергнута: в течение 11 лет кафедрой возглавлял не рекомендованный ею ученик, но после этого срока кафедрой предложили возглавить мне, я ею руковожу с Божьей помощью уже 20 лет.

Незадолго до ухода из кафедры Надежда Георгиевна подарила мне несколько своих книг из нашей кафедральной библиотеки, все с надписями.

На подаренной ею книге Б. Ромейса «Микроскопическая техника» она сделала надпись – «Страстному морфологу И.М. Щетинскому на память. Н. Толстова-Парийская, г. Харьков. 2. VII. 75 г.». Этим я горжусь.

В связи с вышеизложенным, считаю, что у меня есть достаточно веские основания сделать емкое жизнеописание своего учителя.

Я намерен написать все, что я знаю о ней с собственным пониманием происходящего, в котором так или иначе участвовала Надежда Георгиевна.

Этим жизнеописанием закончится серия моих статей о всех четырех настоящих заведующих кафедрой патологической анатомии ХВИ-ХЗВИ.

Жизнь Надежды Георгиевны – это жизнь, состоящая из двух периодов: дооктябрьского (и раннего октябрьского) и советского.

Надежде Георгиевне довелось пожить и в постсоветский период, в нем она продолжала жить по духу как в советский период.

Дооктябрьский период – это начало девической жизни в небольшом, типично русском городке Курмыше Симбирской губернии, который в последующем превратился в село Курмыш Горьковской области.

Родилась Надежда Георгиевна 16 июля 1905 года (3-го июля по старому стилю) в многодетной семье мелкого демократически настроенного чиновника православного вероисповедания.

Отец Надежды Георгиевны – Георгий Игнатьевич Толстов был чиновником земского управления, служил делопроизводителем в Курмышской земской управе. У него было 12-

ть детей, четыре ребенка рано умерли, а 8-мь выжили, среди оставшихся преобладали девочки, их было шесть.

В многодетных семьях старшие опекают младших, помогают им и матери. Так было и в семье Толстова. Его жена, мать Надежды Георгиевны, Селицата Михайловна, управляла домом, вела хозяйство и воспитывала детей.

У Толстовых был дом, сад, огород, домашние животные, чиновник-делопроизводитель земской Управы получал мало, семья жила скромно, выручало домашнее хозяйство и рыба, её ловили все, кто умел, в том числе и дети.

Курмыш расположен на левом берегу реки Суры, при впадении в неё речушки Курмышки, в обеих реках водилось много разной речной рыбы, её и ловили жители Курмыша.

Надежда Георгиевна часто повторяла, что её братьев и сестёр учили всему, что им может пригодиться в жизни: они умели кроить, шить, штопать, вышивать, стирать, гладить, готовить припасы, еду, чистить одежду. Ко всему они относились бережно и рационально, жили честно, на виду у всех, кормились и одевались исключительно по трудам своим.

Семья Толстовых была в чести, никто из них никогда худого не творил, не дрался, не сквернословил, не присваивал чужого, не бражничал, все плохое у них было под запретом.

Надо думать, что честный, благообразный образ жизни Толстовых послужил основанием для избрания Георгия Игнатьевича, отца Надежды Георгиевны, в послеоктябрьский период секретарём Курмышского городского суда. С 1917 до 1920 год он работал в этой должности, служа новой власти так же честно и ревностно, как и старой, служил до самой своей смерти, она забрала его из жизни в 1920 году.

Молодые Толстовы мечтали об учебе, они хотели получить хорошее образование, чтобы занять достойное место в жизни, чтобы жить лучше, чем их родители – в большом городе, в домах с удобствами, с хорошей оплатой их труда.

И отец, и мать тоже этого хотели, но понимали, что всем желаемое дать не только трудно, но и невозможно, учеба в высших учебных заведениях Царской России стоила для родителей учившихся дорого.

Надежда Георгиевна Толстова-Парийская в молодые годы

В 1922 году Надежда Георгиевна закончила Курмышскую школу II ступени и поступила на учебу в Казанский государственный ветеринарный институт.

Начался радостно-светлый период её жизни, период свершения сокровенной мечты об учёбе в высшем учебном заведении, период жизни в большой и шумной Казани, период самостоятельности, период познания. Надежда Толстова была молода, красива, энергична, честолюбива и умна.

То, о чем она мечтала, она получила сполна.

Она училась в городе, который знала вся просвещенная интеллигентная Россия. Здесь находился Казанский университет, в котором учились и творили такие гении науки, как Н.И. Лобачевский, А.М. Бутлеров, А.С. Догель и др.

Не отставал от Казанского университета и Казанский ветеринарный институт, один из первых в Российской империи по старшинству.

Казанские школы математиков, химиков, медиков, нейроморфологов знал и высоко чтит весь научный мир.

Все, что получила Надежда Георгиевна в это время, она расценила как дар ей от новой власти, власти большевиков во главе с ее выходцем по образованию из Казани Лениным.

Эта мысль стала доминантной, она стала основой для ее оценки всего происходящего в стране и за ее пределами в ближайшие и будущие годы.

Как и она, многие в крике и шуме новой жизни заболели якобизмом, поверили в строительство того нового мира, в котором тот, кто был никем, станет всем.

Поверили, к сожалению, даже те, кто для того, чтобы стать настоящим человеком, имел многое из требуемого для этого.

Люди, которые верят только в силу других людей и в свои собственные силы, часто забывают, что все совершается не по людской, а по Божьей воле. В последующем они укрепляются в своем неверии и с этим неверием живут всю свою, короткую или длинную, но без Творца, жизнь.

Господь, любя всех, прощающий всех, в том числе, и неверие в Него, напоминает о Себе, посылая человеку скорби, неудачи, испытания, болезни, неуспехи родственникам, терпеливо ждет, что задумаемся мы, почему так случилось, почему это послано. Задумаемся и после этого отрезвеем, возвратимся к Нему, нашему Создателю.

Могла ли Надежда Георгиевна получить высшее образование в Царской России? Ответ однозначен – могла, если бы то, что произошло в ее семье в 1920 году, произошло бы не в послеоктябрьский период, а в Царский.

В 1920 году многодетная семья честно служившего Престолу, Царю и Отечеству Георгия Игнатьевича Толстова осиротела. Он, ставший к тому времени секретарем Курмышского городского суда, почил о Бозе. Умер безупречно служивший чиновник, избранник народа. Таких людей Венценосный Монарх, Помазанный Божий всегда чтит по достоинству, смиренные прошения к Нему, в связи с этим, поддержанные церковной и местной государственной властью, никогда не оставались без внимания и удовлетворения.

Надежда Георгиевна, к сожалению, в молодые годы отвернулась от Господа. Во время той запавшей мне в память предсмертной с ней беседы она призналась, что последний раз исповедовалась в 1924 году, уже тогда она отошла от понимания того, что чистосердечное раскаяние в Церкви Божьей в грехах освобождает человека от тяжести груза греха, обновляет его, дарит ему новую жизнь. «Иди и больше не греши». Она решила, что может это сделать сама.

Казанский ветеринарный институт Надежда Георгиевна закончила в 1926 году, стала ветеринарным врачом.

В институте училась прилежно, старательно, с любовью, была замечена профессурой, обратил на неё внимание и маститый Карл Генрихович Боль, блестящий патологоанатом, признанный авторитет в российской патанатомии животных, крупный

гепатолог, один из лидеров казанской школы патологоанатомов, строгий, мудрый и интеллектуальный наставник будущих ученых.

Он был немногословен, каждое сказанное им слово, каждая фраза были всегда наполнены глубочайшим смыслом. Вокруг него собирались талантливейшие из талантливейших, те, кто хотел стать истинным специалистом.

В его учебном пособии есть указания на то, что Шлегель и Адельман так называемую «Schweinsberger Krankheit» у лошадей считают за генерализованный sclerostomatiasis. Он также подробно описывает механизм этого гепатопаразитоза: «Вначале в зависимости от путей внедрения паразитов в печень процесс протекает под видом билиарного цирроза или острого паренхиматозного геморрагического воспаления с исходом в хроническое воспаление с нарастанием соединительной ткани. Воспаленная и разрушенная паразитами паренхима замещается соединительной тканью, вследствие чего печень уплотняется и увеличивается в объеме, а затем подвергается рубцовому стягиванию и сморщиванию. Погибшие паразиты могут инкапсулироваться и обызвестляться. Нередко процесс принимает характер фокусного хронического воспаления – hepatitis parasitaria chronica multiplex. В других случаях процесс принимает характер диффузного поражения и фиброзного уплотнения. Воспаления печени паразитарного происхождения сопровождаются эозинофилией.» (Н.Г.Большой Основы патологической анатомии домашних млекопитающих и птиц. Учебное пособие для ветеринарных вузов. Издание 4-е.:М – Ленинград. Гос. изд.-во колхозной и совхозной литературы. 1933, 365с.)

Ученицей Карла Генриховича стала и Надежда Георгиевна, вскоре она стала самой любимой его ученицей.

После окончания института Надежда Георгиевна непродолжительное время, с июля 1926 года по июнь 1927 год работала практическим ветеринарным врачом, заведывала ветеринарным участком в селе Панино в Панинском районе Павловского уезда Горьковской области.

Здесь, в Панино, она обрела свое женское счастье – стала супругой Бориса Николаевича Парийского, горного инженера из Питера.

Познакомилась она с Борисом Николаевичем еще в школьные годы. Он, будучи студентом горного института в Питере, приехал в Курмыш преподавать математику местным школьникам.

Всегда вместе: Надежда Георгиевна и её муж Борис Николаевич

Школьница и студент заинтересовались друг другом, взаимные симпатии переросли в любовь, но Борис Николаевич, торопивший развитие событий, получил предложение от Надежды Георгиевны подождать до окончания ею института. Любя он ждал, долго и терпеливо и дождался.

Во время учебы Надежды Георгиевны в аспирантуре он приехал к ней в Казань. В Питере Борис Николаевич не смог устроиться на работу по профилю своей специальности и к тому же его тянуло к молодой жене. В Казани начиналось строительство комбината по производству искусственного шелка и Борис Николаевич, представившись специалистом по этому производству, был зачислен в группу главного инженера.

Начавшаяся в стране шпиономания обошла семейство стороной. Борис Николаевич рассказывал, что руководителем строящегося комбината был выдвигенец-татарин, человек без образования и без опыта работы руководителем. Многие смеялись над ним, а Борис Николаевич по присущей ему доброте, наоборот, помогал своему руководителю.

Хорошее не было забыто: руководитель спас его от преследования и от грозившего ему ареста.

В 1927 году по приглашению Карла Генриховича Боля Надежда Георгиевна стала ассистентом возглавляемой им кафедрой патологической анатомии Казанского ветеринарного института.

На кафедре работал дружный, творчески мыслящий коллектив интеллектуалов. Все новое в этом коллективе с жаром обсуждалось и в случае необходимости ассимилировалось; все много вскрывали и в обязательном порядке читали патогистологические препараты.

Все увлеченно и плодотворно работали в науке, все тщательно проверялось и контролировалось метром, его авторитет был безграничным, он руководил всем мягко, но требовательно и разумно.

Профессор К.Г. Боль досконально знал ветеринарную гепатопатологию, он предложил новую классификацию циррозов, ввел в нее новые формы, разработал схему их дифференциации, особое место в этой классификации заняла швейнсбергова болезнь, об этой болезни он хорошо знал, так как будучи обрусевшем немцем прекрасно знал немецкий язык и регулярно работал с *Wochenschrift fur Thierheilkunde und Viehzuch*. К.Г.Боль не относил эту болезнь к циррозам. Он считал, что эта болезнь является самостоятельной нозологической единицей.

Круг его научных интересов на этом не замкнулся, он успешно разрабатывал и другие вопросы патанатомии животных – работал в области вакцинопатологии, энцефалопатологии, вегетативной нервной патологии.

Под его руководством Надежда Георгиевна занималась изучением особенностей патанатомии бешенства у собак.

По результатам этих исследований, она подготовила диссертацию на соискание ученой степени кандидата ветеринарных наук «Патологистологические изменения почек, печени, сердечной и скелетной мускулатуры при бешенстве собак». Диссертация была успешно защищена в Казанском ветеринарном институте в 1937 году.

Через год, в 1938 году, она представила к защите диссертацию на соискание ученой степени доктора ветеринарных наук. Если в кандидатской диссертации она выступала как патоморфолог общего плана, то в этой работе – как патонейрогистолог. Название представленной ею работы: «Изменения в симпатических ганглиях при инфекционной анемии лошадей, их сравнительная оценка с некоторыми другими заболеваниями лошадей и диагностическое значение». Эта работа, вне всякого сомнения, была выполнена под влиянием исповедывавшейся в то время идеи нервизма и под влиянием достижений казанских нейрогистологов. В работе утверждалось, что при инфекционной анемии лошадей имеют место изменения в симпатических ганглиях, они часто носят по сравнению с другими изменениями первичный характер.

Представленная диссертация была с блеском защищена 25 июня 1938 года в Казанском ветеринарном институте. 17-го апреля 1939 года ВАК СССР эту защиту подтвердил, Надежда Георгиевна стала доктором наук, первой в СССР женщиной доктором ветеринарных наук.

Казанский период жизни Надежды Георгиевны навсегда стал для нее знаменательным не только потому, что в этот период она сформировалась как ученый, но и в связи с тем, что в Казани она стала матерью: родила двух сыновей – Георгия в 1931 году и Валерия в 1938 году.

В 1938 году Надежда Георгиевна стала заведывать кафедрой патологической анатомии Белоцерковского сельскохозяйственного института, в 1940 году получила профессорский аттестат. В Белую Церковь переехали все члены ее семьи.

Потом была война и Надежда Георгиевна эвакуировалась вместе с институтом, в котором она работала в Ростов, затем – в Тамбов и, наконец, во Фрунзе, столицу Киргизии. Здесь с 15-го декабря 1941 года начала заведывать кафедрой патологической анатомии Киргизского сельскохозяйственного института. В Киргизию был эвакуирован и Харьковский ветеринарный институт, в связи с этим Надежда Георгиевна познакомилась с профессурой ХВИ. Особенно теплые отношения сложились у нее с профессорами ХВИ И.И. Лукашовым и д В.А. Соколовским.

Заведывала кафедрой Надежда Георгиевна в Киргизии до 12 января 1945 года, после окончания войны вернулась в Белую Церковь и продолжила свою работу в вернувшемся из эвакуации институте в прежней должности.

Ее муж, Борис Николаевич Парийский, во время войны эвакуировал заводы, воевал, был в действующей армии, после окончания войны работал главным инженером завода «Красный Октябрь» в Фастове Министерства Машиностроения и Приборостроения СССР.

Старший сын Гера в 1949 году стал студентом 1-го курса Московского государственного университета, он закончил его и посвятил свою жизнь физике, защитил кандидатскую диссертацию и работал и продолжает работать в НИИ по профилю своей специальности.

В 1950-1954 гг. Надежда Георгиевна была избрана депутатом Совета Союза Верховного Совета СССР.

После смерти Петра Николаевича Крахт-Палеева с 20.09.49 года Надежда Георгиевна начала работать в Харьковском ветеринарном институте, она заведывала по совместительству кафедрой и вела лекционный курс до 1953 года. В 1953 году начала заведывать кафедрой патанатомии ХВИ без совместительства.

Заведывала кафедрой в ХВИ, а после его объединения с Харьковским зоотехническим институтом, - в Харьковском зооветеринарном институте, непрерывно в течение 22-х лет, с 1953-го по 1975 год.

Под руководством Надежды Георгиевны кафедра работала достаточно энергично и продуктивно: имевшаяся на кафедре учебная коллекция патогистопрепаратов – гордость кафедры – непрерывно пополнялась; на кафедре имелось современное оборудование. В штате кафедры было два доцента (Я.П. Пустовар и А.М. Щеглов) и один ассистент (А.Ф. Милорадович). В период работы А.М. Щеглова в Монголии вместо него на кафедре работала доцент М.В. Глушкова.

Успешно на кафедре функционировала аспирантура, в которой плодотворно работала талантливая молодежь. Ученики Н.Г. Толстой-Парийской достаточно убедительно доказывали, что в патологии многих инфекционных заболеваний одним из составляющих их звеньев являются нейропатологические процессы.

Среди учеников Надежды Георгиевны, работавших в области нейропатологии, выделялись Н.А. Наумова и особенно – Г.А. Красников. Г.А. Красников сейчас академик УААН, доктор ветеринарных наук, профессор, заведующий патоморфологического отдела Украинского НИЦИЭКВМ.

Помимо нейропатологии, Н.Г. Толстова-Парийская занималась общей и каузальной патологией атрофического ринита свиней и отдаленных послеящурных осложнений у крупного рогатого скота.

Надежде Георгиевне никогда не был присущ страх новизны, она была смелой женщиной не только в жизни, но и в науке.

Надежда Георгиевна (1960 год) Харьков

У нее был прекрасный вкус, она хорошо одевалась, чувствовала новое, из нового брала только то, что ей подходило. Надежда Георгиевна прекрасно водила автомобиль, любила быструю езду не только по автодорогам Харькова, но и по автошоссейным дорогам Москвы, следила за новинками художественной литературы, много читала; дружила с избранными, ценила в людях благородство, порядочность, хороший тон. За некоторой ее суховатостью и педантичностью стояло хорошее воспитание, рассудительность и сдержанность.

Надежда Георгиевна любила путешествовать. Она совершила путешествие по Волге, по Лене, по Дунаю; была в Польше, Чехии, Болгарии. У нее во всем был утонченный вкус, она бережно относилась к вещам, старине, одежде. Ее черное зимнее пальто с куничьим воротником и шляпкой восхищали многих; блузка с вологодскими кружевами была ее охранным талисманом, в ней она ходила на заседания Верховного Совета, в ней же она была и когда получала заслуженного деятеля науки.

Она любила купание в море, хорошо плавала, причем плавала долго и быстро.

В 1964-1965 годах кафедра под руководством Надежды Георгиевны начала заниматься клеточными мукоидозами, изучением слизистых барьеров органов с трубчатым и полостным строением. В результате этой работы было показано, что все слизистые барьеры не имеют органной гистохимической специфичности и построены однотипно, в составе слизи имеются одни и те же гликопротеины, каждый из которых выполняет характерную для него протективную функцию.

Под влиянием действия некоторых патогенов барьеры могут терять способность вырабатывать слизи с высокими протективными свойствами, в таком случае чувствительность к заболеваемости у пациентов резко возрастает. Так, ларинготрахеитом

животные заболевают часто на фоне А-гиповитаминоза, так, как у таких животных в связи с А-гиповитаминозом развивается дисмукоидоз секреторных элементов верхних дыхательных путей.

Диспепсией гипотрофики заболевают вследствие того, что у них плохо организован слизистый барьер желудочно-кишечного тракта, формирующие этот барьер секреторные элементы из-за их недоразвития продуцируют недостаточно реактогенную слизь, в ней мало сульфомуцинов и нейраминовой кислоты.

Указом Президиума Верховного Совета УССР от 7.03.1967 года Надежде Георгиевне было присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки УССР».

Ранее она была награждена: в 1946 году – медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», в 1948 году – орденом «Знак почета», в 1953 году – медалью «За трудовую доблесть».

Через аспирантуру под руководством Надежды Георгиевны было выполнено 9 кандидатских и три докторских диссертации; она – автор 40 научных работ, соавтор монографий и нескольких учебников по патологической анатомии животных на русском языке.

Во всех случаях жизни Надежда Георгиевна защищала самоотверженно и яростно то, во что верила, что считала своим, нужным и полезным для общества и людей.

Во время инициированных администрацией института гонений на доцента Т.А. Чумакову Надежда Георгиевна была в числе тех, кто защищал ее, несмотря на то, что за эту защиту она могла многим поплатиться.

Она защищала своих: доцентов А.Н. Топорину, Д.Д. Логвинова, Л.И. Коноваленко, и активно выступала против не своих – профессора И.К. Иванова, доцента Н.Е. Шалдуги. Во всех шумных историях института Надежда Георгиевна всегда была либо на правой, либо на левой стороне, т.е. была ортодоксом, хотя основа этой ортодоксальности многими бралась под весьма заслуживающее внимание сомнение.

В секционном зале Харьковского ветеринарного института.

В центре – Надежда Георгиевна, справа – препаратор кафедры – Михаил Тихонович Сапельник, слева – аспирант кафедры Нина Андреевна Наумова и доцент кафедры – Александр Михайлович Щеглов.

Были в жизни Надежды Георгиевны не только радости, но и горести, причем горести большие, трагически оборвал свою жизнь её младший сын, талантливый физик, кандидат физико-технических наук, старший научный сотрудник Всесоюзного технического института низких температур Валерий Борисович Парийский, но она нашла в себе силы и стойко пережила его смерть.

Надежда Георгиевна всю жизнь оставалась беспартийной, хотя и остро переживала отдельные эпизоды в партийной жизни страны. Ей хотелось, чтобы в политической жизни было больше правдивой реальности, больше человечности, чем демагогии. Особенно сильно она переживала отставку Г.К.Жукова, отставку Н.С.Хрущева, приход к власти Л.И.Брежнева.

Кафедральные дела Надежда Георгиевна решала без особой оглядки на партийную оценку ее решения, ей хотелось, чтобы ее решения совпадали с партийным видением, чтобы партийное видение не доминировало над ней.

На кафедре у Надежды Георгиевны работал доцент А.М. Щеглов – партийное око, блюститель порядка и спокойствия, верный страж шефа, ее паж, держащийся за нее и поддерживающий ее во всем. Все знали об этом тандеме и в его незыблемость верили все, но больше всех – сам А.М. Щеглов, который без этого тандема существовать просто не смог бы.

После окончания аспирантуры на кафедре Надежда Георгиевна оставила ассистентами сразу двоих – меня и Георгия Евлампиевича Гончарука.

Я к А.М. Щеглову относился иронично-критически, не видя в нем грамотного педагога и тем более сильного научного работника. Георгий Евлампиевич же во всем поддерживал А.М. Щеглова, хотя прекрасно понимал, что он собой представляет.

Пришло время одного из нас проводить в доценты – либо меня, беспартийного и бескомпромиссно настроенного по отношению к недремлющему оку партии на кафедре, либо Георгия Евлампиевича, коммуниста, убажывающего око.

Надежда Георгиевна нашла из ситуации выбора мудрый и в высшей степени благородный путь. Она предложила прочитать мне и Г.Е. Гончаруку по три лекции по общей части патологии. Кто прочтет лучше, тот и будет читать доцентский курс.

Все возражения по занимаемой позиции и партийной принадлежности конкурсантов были ею решительно отвергнуты.

Я свои лекции, по общему мнению, прочитал не только лучше, но и оригинально. Решение было – в мою пользу, моей беспартийностью Надежда Георгиевна пренебрегла.

Когда я читал свой доцентский курс, Надежда Георгиевна посещала все мои лекции. Она сдержанно слушала и не задавала мне никаких вопросов. В конце она сказала: «Это Ваш курс, Ваше понимание и Ваше видение; читайте так, но я читаю, как Вы знаете, иначе».

Надежда Георгиевна читала органопатологию и спецпатологию. Я стал доцентом и читал весь курс общей патологии. Практикум вели Георгий Евлампиевич Гончарук и ученица Надежды Георгиевны, кандидат вет. наук Валентина Степановна Бырка. На пенсию ушли Анна Федоровна Милорадович и Александр Михайлович Щеглов.

Несколько лет мы дружно работали, стараясь не утратить того, что было добыто в прошлом. У нас были хорошие, деловые отношения друг с другом, шефа мы любили и почитали, предупреждали возможность ее недовольствия или осуждения.

Строился морфологический корпус, все мы принимали участие в его строительстве и планировали свое размещение в нем.

В это время Владимир Максимович Апатенко, работавший на кафедре микробиологии доцентом, ученик Надежды Георгиевны, защитил докторскую диссертацию по патанатомии.

Эта диссертация выпадала из поля того, чем интересовалась Надежда Георгиевна, Владимир Максимович заострял внимание на ассоциативных вирусных заболеваниях, на взаимодействиях различных по классификации вирусов на организм птиц.

Он после окончания аспирантуры на нашей кафедре оставлен не был и пошел работать на кафедру зоогигиены, которой руководил И.Ф. Храбустовский. Здесь Владимир Максимович работал несколько лет, пребывая с Иваном Францевичем в очень хороших отношениях.

К моменту защиты Владимиром Максимовичем докторской диссертации Иван Францевич Храбустовский был ректором института.

Наша кафедра никакой опасности не ожидала, но она появилась неожиданно и внезапно. Страшная по силе своего воздействия на Надежду Георгиевну: негодяй или негодяйка по-своему правильно все рассчитали.

Надежда Георгиевна получила анонимное письмо – грязное, гадостное, глумливое. Она никогда не читала лекций для ветврачей, повышающих свою квалификацию, но в этом пасквиле был жалкий лепет, что, дескать, ветврачи, повышающие свою квалификацию в ХВИ, ею недовольны и не понимают того, что она читает.

Надежда Георгиевна в весеннем парке

Надежда Георгиевна ждала моей реакции после прочтения письма, я пытался успокоить ее, просил не реагировать на глупость и мерзость, но она все расценила по-своему, она не была готова к такому оскорблению. Я думаю, что в ее жизни никто и никогда не осмелился оценивать подобным образом ее деятельность, этой, безусловно, великой по жизни женщины.

Она подала заявление об уходе из института. Администрация института не сделала никаких попыток ее остановить или оставить в институте. И Надежда Георгиевна ушла, случилось это 1 июля 1975 года.

В сентябре этого же 1975 года заведывать кафедрой пришел В.М. Апатенко. В 1986 году он оставил этот пост.

Надежда Георгиевна ушла из жизни 10 июля 1998 года, она не дожила до своего 93-летия всего 6 дней. Она жила как пенсионер 23 года: читала, писала, вспоминала, переосмысливала, оценивала происходящее. Ушел из жизни ее муж Борис Николаевич и она осталась одна, в окружении невестки, внука и его жены и правнука. Пришлось привыкать к новой жизни перестроечного и после перестроечного периода с их чехардой ориентиров в экономике и политике. Довелось испытать материальную нужду.

Это ее угнетало, так, как было несправедливо. Жизнь как бы мстила ей за прошлое с его почетом, уважением, преклонением за достаток и за радость. Нужда ее трепала жестко и больно, от чего Надежда Георгиевна страдала и морально и физически.

Провидения Господа как в отношении отдельно взятого человека, так и всего происходящего никто не знает.

Происшедшее можно объяснить, исходя из догматики Православия, но можно и используя обычные законы жизни. Первое объяснение приемлемо для православного человека, второе – для неверующего в Бога и Богу.

Я не знаю, прав я или нет в отношении своего учителя, пригласившего меня к себе в аспирантуру, предоставившего мне творческую свободу и способствовавшего моему карьерному росту, но должен сказать: «Бога оставлять никогда нельзя. Оставляющий Его всегда пожнет горький хлеб».

Когда следовало к Нему обратиться?.. Может, когда погиб сын, или когда появился тот пасквиль, или когда ушел из жизни супруг...

Да в каждый миг нашей жизни Любящий Отец Небесный ждет и услышит каждый вздох нашей грусти и утрет всякую слезу скорбящей души...

Все мы не без греха, вспоминаем Бога в минуту жизни трудную, забывая, к сожалению, в дни радости и земной славы.

Спите спокойно, Надежда Георгиевна. Мы помним о Вас и надеемся, что милостивый Господь слышит наши недостойные молитвы, внемлет нашим просьбам об упокоении Вашей души и души Вашего супруга Бориса Николаевича...